

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 54 (1535)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлено интервью К. Денисенко с А. Фененко «Карибский кризис – это еще цветочки», опубликованное в журнале «Эксперт», № 17–19, 23 апреля–13 мая 2018 года.

Вологда
май 2018

Карибский кризис – это еще цветочки

Как воспринимать нынешний виток санкционного давления на Россию в исторической перспективе? Своим мнением с «Экспертом» поделился доцент факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент МГИМО **Алексей Фененко**.

– Как расценивать чрезвычайно жесткие американские санкции? Это дорога к новому Карибскому кризису или попытка спровоцировать Россию на неосторожные шаги во внутренней или внешней политике?

– Во-первых, Карибский кризис – это еще относительно благоприятный период. Я бы сказал, что у нас роль Карибского кризиса невероятно преувеличена. Ведь, собственно, что показал Карибский кризис? Первое – что мы не хотим воевать друг с другом. Ни СССР, ни США.

Второй момент: он показал, что и мы, и американцы хотим сохранить мировой порядок. Никто не потребовал разрыва дипломатических отношений, выхода из ООН. Или, например, отзыва послов, каких-то введений санкций друг против друга. Так даже вопрос не ставился в ходе Карибского кризиса.

Теперь, если уж проводить параллели, ситуация больше похожа на кризис накануне Первой мировой войны, когда стороны работали скорее на приближение войны, чем на ее отдаление. Вспомните риторику Вильгельма Второго, Николая Второго и прочих. Что лучше война и смерть, чем бесчестие, и так далее. Тогда стороны сами себе отсекали возможность для отступления. Так что если и проводить параллели, то мы вернулись не в холодную войну, а, скорее, в модель рубежа девятнадцатого-двадцатого веков с весьма высокой опасностью вооруженного конфликта.

И, кстати сказать, когда мы сейчас читаем о «деле Скрипаля», я удивляюсь, насколько у нас уже выработался пацифистский антииммунитет. Мы не удивляемся ультиматумам Австрии и Сербии, России и Германии, но почему-то нас удивляет «дело Скрипаля». Мы

уже привыкли к миру, к тому, что Вторая мировая – это последняя война, и многие из нас не могут себе представить, что наш мир вполне может точно так же рухнуть, как рухнул, например, Венский порядок в 1914 году. Или как в свое время рухнул Вестфальский порядок с наполеоновскими войнами и Французской революцией. А кто нам сказал, что наш порядок не рухнет точно так же? И почему мы считаем мир ООН, мир Ялтинско-Потсдамской системы вечным, воспринимаем его как данность?

Относительно санкций. Американцы будут продолжать санкции до тех пор, пока Россия жестко не ответит на них. Это логика американской системы. До тех пор, пока Россия не назначит за санкции неприемлемую для США цену. Например, посмотрите, санкции санкциями, но мы ни разу не подняли вопрос о денонсации Договора о сотрудничестве в космосе 1992 года. Хотя могли бы полностью отказаться в этом США. И это было бы очень болезненным ударом для них.

Ну и, наконец, третий момент: я думаю, что если начнется военный конфликт между Россией и США – локальный, в Сирии, – то встанет вопрос, насколько вообще эффективны все эти санкции, если мы будем в рамках конфликта восстанавливать ту или иную форму мобилизационной экономики. Мы сейчас говорим: проблема с курсом рубля к доллару. Если мы вводим ограничения на доллар, если разрушается сама модель единой мировой экономики, то, согласитесь, это будет совершенно другая ситуация.

Говорят: как это возможно? А как это было возможно в межвоенном мире между Первой и Второй мировыми войнами в 1920–1930-е годы? Вот именно так, вполне возможно, это и будет – с ограничениями на хождение той или иной валюты, с более жесткими государственными директивными методами. Я бы не сравнивал это именно с холодной вой-

ной, потому что в холодную войну Советский Союз по факту прекрасно взаимодействовал с мировой экономикой. Особенно в брежневские времена. А вот если мы отказываемся от самой модели инвестиционной экономики и возвращаемся к миру протекционизма, опоры на собственные силы, жесткого государственного вмешательства, то, наверное, это будет смотреться несколько по-другому.

Другое дело, что нам всем нужно некое событие, которое минимизирует переход к протекционистской экономике. Вот, кстати, крупный военный конфликт может стать таким событием.

– Стоит ли ожидать дальнейшего усиления санкций США против России?

– Если Россия назначит неприемлемую цену за санкции – то не стоит, не назначит – стоит. Если Россия скажет: каждая санкция – минус один международно-правовой режим. Вы нам санкцию – мы уничтожаем, например, Договор открытого неба. Вы нам санкцию – мы уничтожаем Договор о запрещении ядерных испытаний. Вот тогда санкции могут прекратиться.

– До какого предела могут деградировать отношения России с Западом?

– До военного конфликта. Прямого военного столкновения.

– Как России следует реагировать на ситуацию? Следует ли приступить к мобилизационному сценарию во внутренней политике?

– Мы давно уже к нему приступили. Вопрос в том, как теперь окончательно к нему перейти и ужесточить. И не только мы: посмотрите на США. Что такое пошлины Трампа, как не возвращение к протекционистской экономике? Что такое действие Китая, как не возвращение к протекционистской экономике? Что такое эмбарго и санкции, как не протекционизм в условиях существования ВТО? В принципе, мы уже приходим к этому, вектор направлен на постепенный отказ от глобальной экономики и возвращение в мир национально ориентированных экономик. Как это было в межвоенный период. Другой вопрос, что должно легитимировать крах второй глобализации, как Первая мировая легитимировала крах первой глобализации.

Записала Кристиана Денисенко